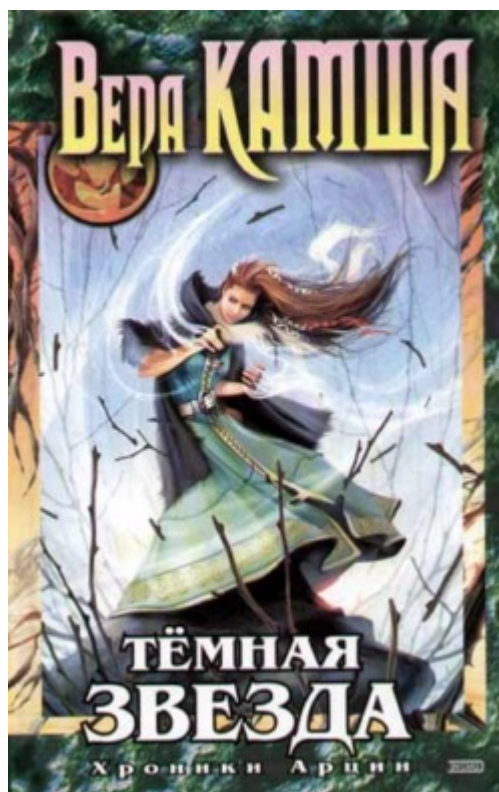

Вера Викторовна Камша Темная звезда

Хроники Арции – 1

Авторский текст

«Темная звезда»: Эксмо-Пресс; Москва; 2007

ISBN 5-04-007148-5, 5-04-007149-3, 5-699-14391-2, 5-699-14391-7

Аннотация

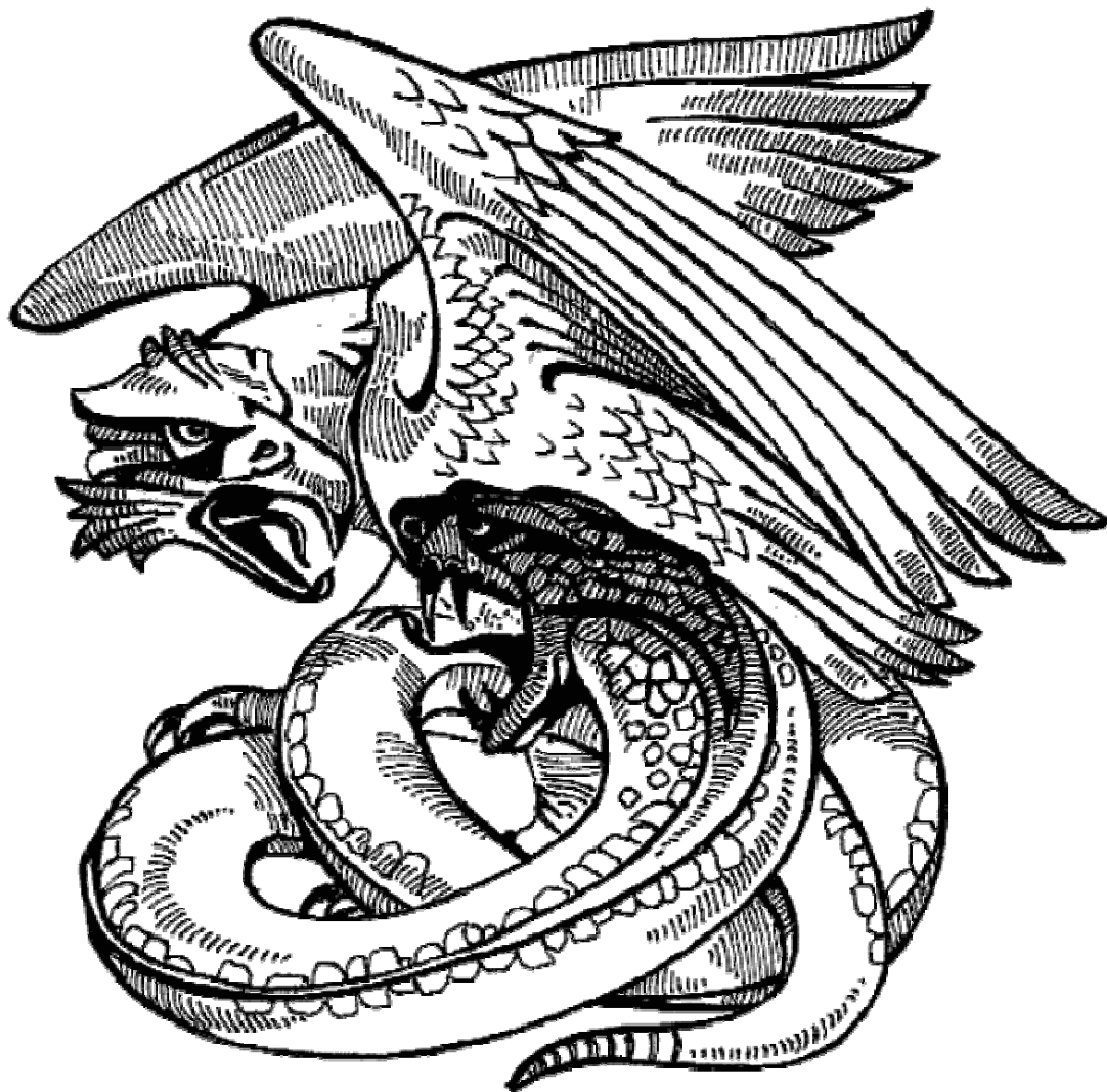
Боги, хранящие мир Тарры, покинули его. Изначальное зло, некогда побежденное ими и загнанное в преисподнюю, поднимает голову. Черда загадочных смертей обрушивается на Таянский королевский дом, подтверждая пророчество о конце света. Но истинная цель темных сил — Герика, королева Таяны, способная принести дитя, новое воплощение бога зла Ройгу. Раскрыть тайну, противостоять нашествию, спасти обитателей Тарры от уничтожения способны избранные — герцог Рене Аррой, прозванный Счастливым за невероятную удачливость, и эльф Нэо Рамиэрль, некогда разведчик в мире людей, а теперь его надежда и защита.

Вера Камша Темная звезда

Каждый мир отбрасывает отражения. Преломляясь и сталкиваясь, они рожают новые отражения. Так возникла эта книга — первоначок от моего Упорядоченного, она отразилась множество раз и стала не продолжением, не подражанием, а оригинальной и сильной вещью, которая хороша сама по себе.

Ник Перумов

*Острая звезда-алмаз
Глубину небес пронзая,
Вылетела птицей света
Из неволи мирозданья.
Из огромного гнезда,
Где она томилась пленной,
Устремляется, не зная,
Что прикована к Вселенной.*
Федерико Гарсиа Лорка

Жемчужные струи фонтана рвались в невероятно синее небо и, надломленные, падали вниз, рассеивая белую, прохладную пыль. Вода, нежно журча, изливалась из бассейна там, где мраморная кромка была ниже, и четырьмя прозрачными потоками стекала по широким серебристым ступеням.

Золотоволосая женщина в зеленых одеждах сидела на низкой скамейке, рассеянно наблюдая за игрой, затеянной водой и светом. Она и не подумала оглянуться, когда за ее спиной вздрогнули и расступились неистово цветущие ветви роз, пропуская высокого воина. Женщина в зеленом почувствовала его приближение задолго до того, как ей на колени упал брошенный умелой рукой плод граната, но ничем не выдала своего знания. Впрочем, пришедший за века хорошо узнал свою сестру и возлюбленную; если он и был раздосадован,

то предпочел не выдавать своих чувств.

— Привет тебе, Совершеннейшая. — Воин изящно поднес к губам узкую изумрудную ленту, служившую золотоволосой пояском. — Я вижу, ты не изменила своей любви к Источнику Песен?

— Ты же знаешь, Ангес, я не меняю своих привязанностей без крайней на то необходимости. — Женщина вырвала ленту из рук гостя и, смеясь, шлепнула его по рукам. Воин же невозмутимо и ловко завладел точеными руками красавицы, поочередно целуя каждый палец.

— Не знаю, для чего нас создали, Несравненная, но, сотворив такое совершенство, каковым являемся мы с тобой, Творец иссяк.

— Ну вот, — огорчилось совершенство, — ты опять меня опередил. Не могу же я говорить тебе то же, что ты только что сказал мне?

— Почему это не можешь? — засмеялся названный Ангесом. — Это было бы очень даже мило!

Женщина скорчила насмешливую гримаску, но это было последнее, что она успела, прежде чем воин приник к ее губам. Когда любовники скрылись в зарослях, цветущие ветви сомкнулись и переплелись за их спинами так, что никто не смог бы найти прохода. Только легкое белое покрывало, забытое на скамье, еще несколько мгновений напоминало о золотоволосой и ее возлюбленном, пока нежная белая ткань не поднялась в воздух, где и истаяла, смешавшись со струями фонтана.

На разогретый камень выползла золотистая ящерица и замерла на солнцепеке, неотличимая от изысканных украшений, наполнявших Сад. Пестрые бабочки — сиреневые, светло-желтые и черно-оранжевые — лениво перепархивали с цветка на цветок, отдавая предпочтение бордовым ирисам и опьяняющим гиацинтам.

В небе, высоко-высоко кружил темнокрылый Кондор, в который раз облетая вверенное его зорким глазам пространство. Его служба длилась не одно тысячелетие и была бессмысленной. Кто мог покуситься на величие Светлых Богов Тарры? Кто дерзнул бы самочинно проникнуть в их обиталище? Никогда еще по снежно-белым и золотым камням не ступали ноги смертных рас. Лишь эльфийские владыки, которым истари покровительствовали Светозарные, иногда допускались в Сад, чтобы, вернувшись, рассказывать соплеменникам о красоте и совершенстве, которых не достичь, но к которым должно стремиться.

Темнокрылый Кондор, посвященный Богу Солнца, Молний и Пламени огнеглазому Арцею, свершал свой ежедневный полет потому, что в этом полете и был смысл его существования. Кондор был столь же неотъемлемой частью Сада, как Лебедь Адэны, Волк Ангеса или же Павлин Арры. И этот день, великолепный и ленивый, должен был завершиться, как миллионы предыдущих. Кондор не сразу понял, что его призывает к себе повелитель, а поняв, изумился необычайно. Однако огромные блестящие крылья уже рассекали воздух, с каждым взмахом приближаясь к Престолу Сил.

Ангес и Адэна слышали призыв именно тогда, когда им более всего хотелось уединенья. Зная нрав брата и владыки, они подчинились, не удержавшись, однако, от вздохов и красноречивых жестов. То, что эти двое давным-давно преступили закон единой крови, установленный Богами для эльфов и смертных, в Саду знали все, однако к Престолу Сил ослушники из какой-то своеобразной стыдливости приходили поодиночке. Вот и теперь Адэна топнула ножкой, и с небес спустилась увитая розами лодочка, влекомая огромным синеглазым лебедем. Ангес проводил взором возлюбленную и молодецки свистнул, вызывая своего Волка. По традиции в Зал Семи Камней неистовый Бог Войны являлся последним, исключая, конечно, самого Арцея.

Престол Сил, словно бы изваянный из остановившегося пламени, пустовал, пока не собрались все — непредсказуемый, как подвластная ему стихия, владыка Вод и Песен Агайя с неизменным огромным Крокодилом — столь неуклюжим на суше, но стремительным и пугающе-грациозным в родной стихии; степенная владычица Земли и Плодородия Арра,

пышнотелая и медлительная, вся в нарядных шелках, соперничающих яркостью с ее Павлином, веселый, быстрый и бессердечный хозяин Воздуха и Мысли Аэй с белоснежным Альбатросом, таинственный и могучий хозяин Времени и Судьбы Арэн с неизменным посохом, обвитым семью Змеями, чей яд может исцелить и может убить, хозяйка задумчивого Лебедя золотоволосая Адэна, покровительница Искусств, Удовольствий и Любви ради Любви, и темноволосый, сероглазый Ангес, бог Войны, смертоносного Железа и... Прощения, сопровождаемый могучим седым Волком. Каждый год собирались они по зову Арцея, что вступал в зал Семи Камней, положив руку на гриву шагающего рядом Льва, в то время как с небес к подножию Трона опускался Кондор. Каждый год Семеро встречали здесь тот день и час, как много веков назад, когда они, Светлые Боги, именем Творца сокрушили прежних божков этого мира, не умевших достойно распорядиться ни своим могуществам, ни своими владениями.

Отчаянная попытка Прежних отстоять свое право на созданную ими Тарру была растоптана силой Светозарных. Побежденные канули в небытие, а Тарра вступила в мир Света. Пришедшие вместе со своими повелителями эльфы показали себя добрыми и рачительными владыками, и в Рассветных землях воцарился мир. Эльфы, люди, гордые кентавры Ланды, суровые тролли Иорга, рассудительные гномы южных гор и совсем еще юное племя магов признали власть Семерых, отдавая им обусловленные в Откровениях почести. Только отверженные всеми гоблины продолжали упрямо чтить Прежних Богов, ненавидя пришельцев и презирая признавших их власть. Нетерпеливый Ангес несколько раз порывался уничтожить вражью силу, но его царственный брат запретил трогать гоблинов, ибо жители Тарры должны знать, что есть Зло. Так было, и так должно было быть вечно. Однако на сей раз Арцей созвал братьев и сестер задолго до годовщины Трагайской Битвы.¹ Такого не было с того самого дня, когда Семеро Светозарных отправились покорять отданный им во владение мир. Теперь шестеро из них с неприкрытой тревогой воззрились на повелителя.

Владыка Тарры молчал. Его орлиное лицо, обрамленное буйными рыжими кудрями, странно сочетающимися с черной бородой и бровями, было сурово, как никогда.

— Я принял Вестника. Свет в великой мудрости своей призывает нас к себе. Наши братья и сестры свершили страшную ошибку во вверенном им мире. Они потерпели поражение в борьбе с мятежными магами, которым помогала Третья сила. Вызванное ими чудовище из Бездны вторглось в сферу миров, но это лишь малая доля бед, так как зашаталось само святое право Детей Творца нести повсюду Свет. Наш путь мог стать повторением их пути. И мы, как они, пришли в Тарру и взяли ее у тех, кто владел ею по праву первородства. И мы, как они, привели сюда бессмертных эльфов. И мы пестовали зародившееся из вихрей сил племя магов, среди которых могут появиться отступники. Второго удара, когда бы он ни случился, Свет может не перенести, а поэтому всех его посланцев призывают назад, к подножию Престола. Мы должны увести с собой эльфов, ибо отвечаем за них перед Светом, и уничтожить магов, дабы не оставлять здесь зерен, из которых может взрасти Тьма.

Смертные же обитатели Тарры забудут и нас, и эльфов, и магов и навеки разойдутся, дабы не помнили люди о гоблинах, а гномы о кентаврах. Все. Я сказал.

Словно в подтверждение этих слов прозвучали глухие раскаты грома, которым ответило хриплое рычание горных недр, будто в глубинах заворочался Великий Зверь. Светозарные потрясение молчали, на прекрасных лицах читалась сначала растерянность, затем — досада и, наконец, согласие. Впрочем, не на всех.

— Нет! — вскочил со своего места Ангес. — Нет! Почему мы должны уйти?! Потому, что где-то кто-то не удержал вожжи и колесница опрокинулась?! Мы не повторим тех глупостей, что сотворили другие. Если нашим бестолковым родичам некуда идти, мы

---

¹ *Трагайская битва* — битва, в которой Светозарные разгромили прежних богов Тарры.

примем их здесь, но в добровольное изгнание не уйдем!

— Это не изгнание, — отрезал Арцей. — Мы возвращаемся к престолу Света. Мы пришли по Его Воле, по Его Воле мы и уходим.

— Но, брат, — красавица Адэна уже стояла рядом с возлюбленным, — мы не можем просто так уйти и оставить Тарру. Уничтожив прежних Богов, мы взяли их ношу на себя...

— Помню, сестра, тогда ты не слишком-то радовалась этой чести, — почти выкрикнула меднокудрая Арра, — ты и теперь перечишь Высшей Воле!

— Я не перечу, о бесконечно Рожаящая, — в негромком хрипловатом голосе Адэны прозвучала плохо скрытая ненависть. — Да, я считала, что здесь не нужны Перворожденные, да и наше существование в Свете было вполне достойным. Это ты и братья рвались туда, где нам нечего было делать, но теперь мы не можем просто так все бросить и бежать.

— А я не понимаю, о чем мы спорим? — пожал плечами Аэй. — Где сказано, что людей и других гномов надо пасти наподобие той скотины, которой повелевает наша дражайшая Арра? Пусть себе живут как и где хотят. В конце концов, смертные всегда жаждали какой-то свободы, вот пускай ею и наслаждаются. Да будут они отныне свободны, как боги!

— Что-то я не вижу, чтобы мы были свободны, — огрызнулся Ангес. — Нам подарили Тарру, а теперь хотят отобрать. Я, например, никуда отсюда не пойду. Было семеро Светозарных, останется двое. Я и Адэна.

— Нет! — Арцей с силой сжал подлокотник трона, и круг неба над семью драгоценными колоннами прорезала рогатая молния. — Я выполню волю Творца, даже если мне понадобится уничтожить всех, кто ей противится.

— Что ж, попробуй, брат! — рассмеялся Ангес — быстрое движение темной брови, и Бог Войны предстал во сей своей грозной красе — стрелка шлема опущена, одна нога чуть выставлена вперед, а знаменитый щит с Лунным Волком готов отразить прямой удар молнии. Темно-синий, шитый серебром плащ гордо реет под порывами невесть как поднявшегося ветра, рука гладит рукоять Великого Меча...

Прочие Светозарные невольно отпрянули, ожидая удара. Арцей медленно приподнимался с Престола, не сводя пылающего взора с слушника, но брат стоил брата. Семеро потому и были неодолимы, что дополняли друг друга. Исход поединка меж ними предсказать не мог никто. Трое мужчин и одна женщина с ужасом ждали неизбежного, и только Адэна смогла встать между противниками.

Крик «Уйди, сестра!», вырвавшийся одновременно из двух глоток, не заставил золотоволосую богиню отступить. И удара не последовало. Двенадцать глаз неотрывно смотрели на фигуру в зеленом, замершую перед Престолом Сил.

Вспыхнув, Адэна заговорила:

— Мы уйдем, но не из покорности и страха, а потому, что война меж нами раньше срока превратит Тарру в мертвую пустыню. Мы предупредим кланы Волка и Лебедя о воле Творца, но решать будут они. А мы, мы никогда не забудем этого дня и не простим его ни тебе, брат, ни Свету. Отныне и навеки наши дороги разойдутся.

— Так и будет, — слова бога Войны падали тяжело и глухо. — Прощайте, бывшие родичи. Наши пути отныне лежат в стороне от ваших троп.

Летопись первая Избранница преисподней Книга Романа

Пролог

Ничего, как смерть, не помня.

Ничего, как жизнь, не зная...

Георгий Иванов

— Это действительно единственная возможность?

— О да, к тому же мы уже начали. Надеюсь, ты не ошибаешься в своих расчетах, твоя прошлая ошибка обоилась дорого...

— Как и твоя. Впрочем, мы могли или поступить так, как мы поступили, или оставаться жалкими свидетелями.

— Да уж. Но ты, по крайней мере, уверен в своем выборе? Где ты ее разыскал?

— Там, где рано или поздно оказываются все они. Эта же не поддавалась Зову Покоя, но и возвращаться не хотела.

— Куда?

— А вот это никогда не узнаешь даже ты, о Жаждающий Познать Все Сущее. Главное, она даже на Пороге сохранила способность сострадать...

— Лучшие бы она сохранила способность думать!

— Я не исключаю и этого, брат...

Часть первая Время нарциссов

Вот и сошлись дороги
Марина Цветаева

Глава 1

2228 год от В. И.²

9-й день месяца Медведя³

Вольное село⁴

Белый Мост у Таянского тракта в шести диа⁵ от Гремихинского перевала.⁶

— Как она?

— Молчит, дядечку.

— Я тебе не дядечка, а господин войт!⁷ Понятно, бестолочь?

— Понятно, — долговязый парень с трогательным курносом носом безнадежно глядел на черноусого здоровяка с медной цепью войта на бычьей шее. — Тольки, проше дана⁸

---

² Великий исход (В.И.) — начало летосчисления, принятого в Благодатных землях. Смысл утрачен, ни одно предлагаемое Академией толкование не соответствует действительности.

³ Медведя месяц — последний месяц весны.

⁴ Вольное село — село, жители которого не являются собственностью феодала, хотя земли общины со всех сторон граничат с землями баронов. К XXII веку от В.И. вольные села сохранились только в приграничных областях — Фронтере, Пантане и Орилле.

⁵ Диа — мера длины, равная одному конному дневному переходу.

⁶ Гремихинский перевал — наиболее проходимый перевал через Лисьи горы у истоков реки Гремихи, через этот перевал самый близкий путь из Фронтеры в Таяну.

⁷ Войт — сельский староста.

⁸ Дан (дана, даненка) — сударь, сударыня, проше дана — вежливое обращение простолюдина к

войта, она все одно молчит...

— Но хоть поела?

— Да кто ж ее знает. Може, и поела, но что огня не разводила, то точно. Она все в углу сидит, я смотрел...

— Давно?

— Как Бодька череду пригнал, так и смотрел...

— С ним вместе небось таращились! Любопытно им, видишь ли. У людей беда, а им любопытно... Ну, отпирай, сам гляну. — И господин войт решительно вступил в низенькие сенцы, крепко пахнувшие сушеными травами. — Фу ты, Проклятый⁹ тебя побери! — под ноги с мявом бросилась пестрая кошка, шустро юркнув в открытую дверь. Хоть войт и знал, что никакая это не нечисть, а родимая дочь его собственного рыжего Брыся, под сердцем нехорошо засосало. Рыгор Зимный, бессменный войт Белого Моста, был мужиком смелым, не боявшимся ни бешеных собак, ни разъяренных быков, но колдовства не понимал, а потому опасался, хоть и признавал, что без хорошей ведуньи в селе не обойтись.

Что бы там ни говорили крючкотворы из городского магистрата и его иллюстриссима¹⁰ господин барон Кузерг, не станешь же кликать из города печатного¹¹ волшебника всякий раз, как припечет живность подлечить, роды принять, або снять порчу! Дорого берут печатники, ох дорого, да и муторно с ними дело иметь. Потому-то и привечали селяне ворожей да знахарей, а власти, покуда все шло тихо-мирно, на это беззаконие закрывали глаза. Зато коли по милости неучтенных ведьм случалось какое лихо, расплачивались за него всем миром — почему не донесли да почему пользовались запретными чародействами... Кончалось все, разумеется, поборами.

Впрочем, нынче войт Рыгор о судебных исполнителях думал почти с нежностью. Ну, вывезли бы зерно, угнали скотину. Дело наживное, а вот как сгонят с насиженных мест, перепашут землю, на которой стояло село, да засеют ее волчцами, которые, всем известно, дурное из земли пять годов вытягивают... Рыгор не любил лгать ни себе, ни другим — дело шло именно к этому. Выкрутиться можно было лишь одним способом — самим судить и покарать ведьму-убийцу, а затем доложить барону: «Так, мол, и так, ясновельможный. Виноваты были, да исправились. Ведьму утопили, гнездо ее поганое выжгли, вот церковная доля, вот то, что магистрату причитается, а вот и ваша, господине. Вы уж нас, дураков окаянных, простите, мы люди темные. Вот вам масло, вот вам телятки, а вы уж за нас, горемычных, перед синяками¹² заступитесь. Ведьму мы сами изничтожили, а его

вышестоящему или дворянину к уважаемому простолюдину.

⁹ *Проклятый* — лжепророк и черный маг, восставший против Творца и Церкви Его Единой и Единственной, но побежденный Равноапостольной Циалой и низвергнутый в преисподнюю, откуда продолжает вредить людям, сбивая их с истинного пути. В устной речи упоминание Проклятого аналогично упоминанию черта в земных языках. Выражение «где Проклятый кольцо потерял» — эквивалент «куда Макар телят не гонял».

¹⁰ *Его иллюстриссима* — обращение к знатному вельможе, не ниже графа, по отношению к барону — лесть.

¹¹ *Печатный волшебник* — волшебник, имеющий грамоту с печатью гильдии магов, заверенную Церковью и местными властями, о том, что имярек имеет право заниматься Дозволенной магией в пределах данной области и обязуется платить церкви и государству налог с прибыли.

¹² *Синяк* — простонародное название рассматривающего дела о недозволенном колдовстве следователя тайной канцелярии Арции. Название, видимо, пошло, от лиловых мантий, в которых ходят служащие (другое название — фискалы) канцелярии, возглавляемой лично канцлером. Формально синяки при принятии решений советовались с Церковью, на деле же выполняли только указания вышестоящих. Любопытно, что на территории святого города Кантиски деятельность канцелярии находилась под запретом Архипастыря.

иллюстриссиму бару¹³ Кузингу мы, хоть и вольные, отработаем».

Да, это был шанс, и притом единственный, но использовать его войту не хотелось до кома в горле. Был Рыгор Зимный человеком справедливым и в невиновности маленькой деревенской колдуньи не сомневался. Так же, впрочем, как и в том, что, скажи он об этом синякам, ему ни за что не поверят. Просто не захотят. Куда как проще списать все, что случилось прошлой ночью в соседней селу Ласковой пуще, на ведьмины происки, да еще и нажиться на этом. Белый Мост — село богатое, стоит у самого тракта. Коли Мост строят, следящий за Старой Таянской дорогой Розевский магистрат по закону построит постоянный двор и немало с того наживется, а ежели строить придется на баронских землях, то и бар Кузерг внакладе не останется. Беломостцам же или всем миром к барону в кабалу, или в Таяну на Вольные земли, к чудищам под бок. Нет, нельзя такого допустить, а значит... Дело его такое, назвал себя конем, полезай в хомут...

Войт трошки постоял в пропахших сушеными травами сенцах, собрался с силами и вошел в чистенькую залку.¹⁴ Окна выходили на закат, и порыжевшее вечернее солнце заливало обиталище — колдуньи ярким светом. Пол у Лупе, как всегда, был застелен вчерашней полынью, нехитрый скарб аккуратно расставлен на прибитых к стенкам (Зенек небось постарался) деревянных досках, а в плетеной ивовой клетке прыгала однокрылая птаха, спасенная от неминуемой смерти в кошачьих когтях. Рыгор совершенно не к месту вспомнил, что Лупе как-то помирила калеку-малиновку со своей кошкой, теперь же он, войт Зимный, если хочет спасти Белый Мост, должен утопить ведьмачку за душегубство. Стало вовсе муторно, но он все же заставил себя глянуть в угол, где, забравшись с ногами на лежанку, сидела ведунья Лупе. Лупе, пришедшая в Белый Мост шесть лет назад, Лупе, спасаая не одну жизнь, в том числе и его, Рыгора, дочку, покусанную бешеной лисицей.

— Лупе, эй, ты меня слышишь?

Скорчившаяся фигурка не шевельнулась.

— Лупе, послушай. Ты... Ты поела?

Нет ответа. Войт пересек залку, тяжело ступая по вянущей траве, опустился на цветастую перинку.

— Лупе, да что с тобой? — Женщина молчала. Рыгор понял, что его не слышат. Широко расставленные зеленые с золотистыми крапинками глаза смотрели сквозь войта куда-то в стену, на бледном треугольном личике застыло выражение ужаса и удивления, руки судорожно сжимали какие-то увядшие травки. Лупе напоминала пойманного бельчонка.

Войт осторожно коснулся мягких пепельных волос, но ведунья не почувствовала, и вот тут-то Рыгору стало по-настоящему страшно. Знаменитый на всю округу храбрец и весельчак опрометью выскочил из залки. Только оказавшись за дверью, он смог напустить на себя приличествующий войту в трудных случаях важный вид, что, впрочем, не провело белобрысого охранника:

— Ну как, дядечку? Жуть, да? Так и сидит, и смотрит, вот страх какой. Я что думаю, дядечку, не она все это натворила, зато она знает, что это за жуть к нам заявила. Вот ее-то она и боится, а не нас с вами и не синяков.

— Умный больно...

— Умный, не умный, а это даже кошке понятно.

— Ты мне лучше, Зенек, вот что скажи. Что тетка твоя, дома?

— Да куда она денется, у нее ж харчевня, гости...

— А выпить у ей есть?

— Есть, конечно. Ой, дядечку, к нам сегодня такой постоялец завернул — лошадь у

---

¹³ *Бар* — господин, сеньор, обращение к любому дворянину, принятое во Фронтере.

¹⁴ *Залка* — в арцийской деревне главная комната в доме.

него расковалась. Я сам видел, как тот приехал. Как раз к обеду поспел. Знатный господин, а уж лошадки... Я таких сроду не видел. Не рыжие, не буланные, а такие... такие... ну, словом, как ваша цепь, а бабки, грива и хвост черные.

— Знатный гость, говоришь?

— А то нет! Все честь по чести. И шпага — тычься, не хочу, и плащ с консигной,¹⁵ и денег не считано, только вот слуг нету...

— А что за консигна-то?

— Цвятка¹⁶ всякаясь, белого цвета. А плащ темно-синий...

— Видать, точно издалека. Я эдакого знака не припомню.

— А я что говорю! И коней таких у нас не водится.

— Ладно, разберусь. А ты карауль хорошенько. Как Грешница¹⁷ покажется, тебя Збышко сменит.

— Ты к тетке Гвенде пойдешь? А что войтихе сказать, коли спрашивать будет?

— А то и скажи, что у нас тут приезжий кавалер¹⁸ случился, я с ним потолковать хочу. Если он нашим свидетелем станет, синяки поверят, особливо, коли он слово нобиля даст...

— Дядечку, а дядечку...

— Ну, чего?

— Жалко Лупе, не она это. Панка сама вляпалась, и поделом ей, змеюка была, а не девка. Чего из-за нее огород городить, закопать тихохонько, и делов-то!

— Ты, дурья твоя башка, видать, в крепостные наладился? А то, может, к Последним горам¹⁹ с лежачей матерью податься решил? Брат-то Цилькин, забодай его жаба, он же у бара Кузинга второй управляющий, он же за сестрину дочь нас всех замордует. Да и сама Цилька стервь хорошая, счета сводить кинется. Вот и выходит, что волшбу, прячь не прячь, найдут, а за сокрытие запретной волшбы, да еще злокозненной, мы все к Проклятому в зубы пойдем. Молчишь? Вот то-то же! Жалеть вы все горазды, а решать, так мне. Потом по селу пройти не дадите, жалельщики. А отпусти я бабенку, как примутся за нас упыри эти клятые, так небось меня же и на вилы — почему не отстоял? Тьфу, окаянство! — Господин войт, не в силах продолжать спор, нашел спасение в бегстве.

2228 год от В. И. 9-й день месяца Медведя.

---

¹⁵ *Консигна* — личный (в отличие от родовой сигны) герб, который дворянин обязан носить на плаще и оружейной перевязи. Консигна также обязательно наносится на седло. Ношение чужой консигны или самовольное присвоение ее недворянином считается одним из самых тяжких преступлений в Благодатных землях. Дворянин, принявший на службу недворянина почетной профессии (мага, медикуса или телохранителя), мог даровать ему первичную консигну, обладатели которых еще не являлись дворянами, но уже получали некоторые дворянские привилегии. Если первичная консигна даровалась трем поколениям, нобиль мог обратиться к одному из царствующих домов с ходатайством о переходе первичной консигны в потомственную, после чего ее обладатель становился вассалом своего сюзерена, пользующимся всеми дворянскими привилегиями.

¹⁶ *Цвятка* (фр.) — цветок.

¹⁷ *Грешница* (Вечерняя ипостась Звезды любви, также именуемой Цэридой-страстью) — название одной из семи блуждающих звезд, когда она идет за Солнцем. Когда она идет впереди солнца и видна на небе перед рассветом, она носит название Праведницы и Амбры-благоговения. В гороскопе мужчины Церида-Амора говорит, кого и как человек полюбит. Кроме того, эта звезда — покровительница искусств и наслаждений. У эльфов Звезда любви носит название Адена.

¹⁸ *Кавалер* — дворянин.

¹⁹ *Последние горы* (*Варта, Корбут*) — сложная горная система, пересекающая Тарру, переход через цепь Большого Корбута запрещен Церковью.

Вольное село Белый Мост. Харчевня «Белая мальва».

Роман-Александр че Вэла-и-Пантана лениво отодвинул чистую занавеску, расшитую буйными розанами. За окошком виднелась часть немощеной улицы, забор и стоящий напротив дом с черепичной крышей. Во дворе, вывалив язык, изнемогал от жары здоровенный цепной пес; в двух шагах от него нагло вылизывал поднятую заднюю лапу желтый котяра, в пыли деловито копошились куры. День клонился к вечеру, но весеннее солнце все еще заливало Белый Мост ярким светом. Роман решительно потряс головой, отгоняя остатки сна. Он терпеть не мог спать днем, но бессонные ночи в седле измотали его. К счастью, он успевал — те, кого он должен «случайно» встретить, появятся не ранее завтрашнего полудня. Вечер и ночь он проведет здесь, в Белом Мосту, а поутру он выедет из села и...

Дальше Роман не загадывал. Все зависело от того, каким ему покажется Первый Паладин Зеленого Храма Осейны,²⁰ первый нобиль Эланда высокородный Рене-Аларик-Руис рэ Аррой, герцог Рьего сигнор че Вьяхе,²¹ всесильный дядя бездарного коронованного пьянчужки, знаменитый адмирал, непревзойденный мастер клинка и прочая, и прочая. Про эландца говорили всякое, и Роман отдал бы все на свете, чтобы правы оказались те, кто считал адмирала человеком чести, к тому же напрочь лишенным предрассудков.

Болтали, как водится, много, только вот никто не знал, чему верить, а чему — нет. Было общеизвестным, что Рене из рода Арроев в юности слыл одним из самых отчаянных и дерзких вольных капитанов. Зато любители прикидывать зубодробительные политические комбинации не принимали в расчет третьего сына Великого герцога Эланда. Между Рене и троном стояло восемь жизней, а сам он думал лишь о том, как проскочить на своем трехмачтовике Ревущее море и увидеть пресловутый Золотой Берег да прочие чудеса, прячущиеся за Запретной Чертой.

О Счастливишке Рене ходили легенды. Его корабль, украшенный фигурой вздыбившейся рыси, знали во всех портах от Эр-Атэва до Гвэрганды. В те поры сын герцога Лериберта жил, играя, и ему все удавалось. Неповоротливые корабли ортодоксов²² ничего не могли поделать со стремительным «Созвездием Рыси» и его полоумным капитаном. Рене ввязывался в совершенно немыслимые авантюры и всегда выходил победителем. Он надолго исчезал, вновь появлялся, привозил диковинные вещи, кидался в любовные приключения, вновь все бросал и уходил в море. Лет двадцать назад «Созвездие» к назначенному сроку не вернулся. В гибель Рене долго не верили, потом стали поговаривать, что судьбе надоело

---

²⁰ *Паладин Зеленого Храма* — первоначально моряк, признанный одним из сорока лучших из живущих ныне мореплавателей. Паладины Зеленого Храма составляли Совет и выбирали из своей среды Первого Паладина, наделявшего королевскими полномочиями, которые могли прекратиться или со смертью, или если сам Первый паладин от них отказывался и возвращал Черную Цепь (см.) Совету. Начиная с 1109 года власть над Эландом стала передаваться по наследству и звание П П. стало означать лишь почетное признание непревзойденных ныне живущими морских подвигов.

²¹ *Сигнор (от «сигна»)* — синьор, крупный феодал. Пример Рене-Аларик-Руис рэ Аррой и Рьего сигнор че Вьяхе: имена дворян строились по следующему принципу: имя, данное Церковью при приятии (Рене), имя фамильного покровителя (Аларик), имя, употребляемое лишь самыми близкими людьми (Руис), «рэ» — частица, указывающая на принадлежность к Дому (в данном случае к дому Арроев), «и» — частица, обозначающая владельца герцогства или вольного (не подчиненного сюзерену) графства, употребляется при полном титуловании. При опускании прочих имен говорится просто герцог Рьего, «че» — эквивалентно земному «де» или «фон», сигнор че Вьяхе означает наследственный владелец Вьяхе.

²² *Ортодоксы* — представители воинских формирований Церкви, призванные следить за соблюдением Запретов, в частности за тем, чтобы корабли не пересекали Запретную Черту, а путешествующие не пытались преодолеть Последние горы и Темную реку Пантаны. В XXII веке в относительно боеспособном состоянии находились только морские Ортодоксы, функции сухопутных в Арции перешли к «синякам».

сносить выходки нечестивца, не раз и не два переступавшего Запретную черту. Но капитан вернулся. Один. Ему было около тридцати, и он почти не изменился, только темно-каштановые волосы стали белоснежными.

Суеверные моряки сначала с ужасом вылупились на выходца с того света, затем выпили за его счет и за его удачу, а потом... согласились выйти с ним в море на новом корабле, которому Аррой дал прежнее название. Поход был удачным, моряки²³ привезли изрядное количество бесценного черного жемчуга и сиреневые перья каких-то невозможных птиц, за которые арцийские франты готовы были заложить душу Проклятому. Все вернулось на круги своя, но Рене так никому и не сказал, где его носило целых два года.

Одни решили, что Счастливчик таки нашел обетованный берег, его спутники не захотели покидать земной рай, сам же капитан заскучал и как-то исхитрился вернуться. Другие утверждали, что корабль погиб, а Арроя спасла его вошедшая в поговорку везучесть. Были и такие, кто считал, что Счастливчик заплатил за спасение жизнями и душами своих людей.

Пересуды затихли сами собой, Рене же оставался прежним — был весел, открыт, вспыльчив, любвеобилен, продолжал, где нужно и не нужно, играть со смертью. Его новую эскападу в очередной раз объявили безумием, но «Созвездие» назло дурным пророчествам покинул идаконскую гавань накануне осенних штормов и вернулся по весне целым и невредимым. Эта экспедиция стала последней для моряка Рене.

Зимой Эланд посетила странная зараза, подчистую выкосившая самые знатные семьи. Из всех находившихся в Идаконе Арроев остался в живых лишь юный Рикаред, так что вернувшийся Рене неожиданно для себя самого оказался главой фамилии и некоронованным властителем герцогства. Именно тогда он перестал улыбаться, впрочем, протектор из капитана вышел отменный. Рене оказался политиком от бога, что и доказал, заставив считаться с собой не только одряхлевшую Арцию,²⁴ но и матерых хищников Эр-Атэва и Канг-Хаона.

Несколько неожиданных походов подтвердили репутацию идаконских моряков и отбили у кого бы то ни было охоту замахиваться на эландское наследство. Фортуна, взявшая Арроя под крыло, демонстрировала редкостное постоянство. Впрочем, даже недоброжелатели молодого адмирала признавали, что удача — только полдела, остального Рене добивался сам...

В дверь робко постучали, и Роман приветливо откликнулся. Ладить с людьми у него давно вошло в привычку. Это было куда проще и полезнее, чем убивать. Убивать Роман, кстати говоря, умел превосходно, хотя старался этим умением не злоупотреблять без крайней на то необходимости. Сейчас же он не ждал никакого подвоха. И действительно, вошла хозяйка, вполне заслуживающая прозвища Красотка Гвенда. Женщина, мило покраснев, сообщила, что внизу в общей зале все накрыто к обеду. Впрочем, если ясновельможный хочет откусать у себя, то...

Роман перебил Красотку. Нет, он с удовольствием спустится поболтать с селянами. Решение заезжего нобилия привело Гвенду в восторг — похвастаться подобным постояльцем не мог даже хозяин черемского «Золотого Кабана». Мысли женщины были столь очевидны, что Роман невольно улыбнулся и тут же себя одернул. Негоже расслабляться, выдать себя в

---

²³ *Моряк* — вольный моряк, иногда — торговец, иногда — наемник, иногда — пират. Моряки имели свой кодекс чести, нарушитель которого приговаривался к смерти Советом, куда входили самые уважаемые вольные капитаны. Убить моряка-отступника было долгом любого моряка. Местом сбора Совета была Идакона, однако далеко не все моряки были эландами, а эландцы — моряками.

²⁴ *Арция* — империя на юго-западе Благодатных земель (столица — Мунт), делящаяся на несколько исторических областей — Среднюю (истинную, внутреннюю, классическую) Арцию, арцийскую Фронтеру, иногда называемую Нижней Арцией, Пантану и Южную Арцию, объединяющую ряд королевств и герцогств, присоединенных при императоре Анхеле Светлом и его сыне, но сохранивших определенную автономию.

придорожной харчевне было бы еще глупее, чем в королевском дворце. Нобиль одернул темно-синий колет, отцепил шпагу, оставив только кинжал в ножнах за спиной, и легко сбежал по крутым ступенькам в общий зал.

Посетителей по весеннему времени собралось достаточно, только вот выглядели они какими-то растерянными и чуть ли не виноватыми. Перед большинством стояли кувшины с вином, и Роман заметил, что пьют молча и сосредоточенно, словно задались целью напиться. Его появление привлекло настороженное, угрюмое внимание. Странно, жители этого края, насколько он знал, жили более чем благополучно и славились своим радушием и общительностью. Вероятно, в Белом Мосту случилось нечто неприятное.

Вошедшее в привычку умение скрывать свои мысли заставило Романа «не заметить» чужой настороженности. Он весело спросил ужин, и Гвенда опрометью бросилась выставлять на отдельный небольшой стол всяческую снедь.

— Любезная хозяйшюка, я приехал один, а вы принесли столько всего, что хватит на дюжину синяков, не к ночи будь помянуты.

Шутка повисла в воздухе.

— Я сказал что-нибудь не то?

— Нет-нет, проше дана, — здоровенный мужчина лет сорока с вислыми темными усами с поклоном подошел к гостю. — Коли ласка будет, прошу за мой стол.

— Охотно, господин войт. Я вижу, вы любите кабанью охоту?

— О, дан охотник?

— Иногда. А иногда — воин, или лекарь, или священник. Но всегда бродяга.

— Дан хочет сказать, что живет, как либр?

— А я и есть либр.²⁵ Я бард.²⁶ В моей семье мужчины не расстаются с гитарой, а значит, с конем и шпагой. Сейчас еду в Тарску,²⁷ а повезет, и дальше, к Последним горам.

— О, я знаю вас, — всплеснула руками Гвенда. — Коли б мне вчера сказали, что сам Роман Ясный до нас будет, я б со смеху вмерла. А то дан и есть? То-то я думаю, что консигна у дана такая необычная. То ведь Романова Троянда?²⁸

— Да, Красавица, и я после ужина это докажу, только пусть кто-нибудь принесет мою гитару. А то вы все такие грустные, уж не поселился ли в Белом Мосту, упаси святой Эрасти, людоед?

Смеха не последовало, причем Роман готов был присягнуть, что войт от этих его слов вздрогнул. Долше бард не сомневался — в селе что-то стряслось. Что именно, либр решил пока не спрашивать.

Рыгор Зимный с надеждой рассматривал приезжего. Красавец, любо-дорого посмотреть, но не размазня, с кинжалом не расстается и, похоже, знает, куда ударить, если что. Да и глаза на месте — небось сразу заметил, что шрам на руке от кабаньих клыков. Надо с ним по душам поговорить, вдруг согласится выступить ходатаем за Белый Мост. К слову барда прислушаются даже синяки. Если тот не поможет, не поможет никто. Рыгор рискнул

---

²⁵ *Либры* — люди благородного происхождения, избравшие одну из семи профессий, не считающихся позорными для дворянина (моряк, наемный воин, маг, священник, бард, лекарь, ученый). Либры добровольно отказывались от своих феонов, освобождались от вассальной присяги, но сохраняли все, не связанные с земельными владениями, дворянские привилегии и подчинялись лишь кодексу Розы.

²⁶ Барды в Благодатных землях имели очень большое влияние. Очевидно, это шло от старых языческих верований, когда барды были странствующими жрецами-магами. В XXIII веке барды-либры могли исполнять обязанности священника, судьи и заступника. Они обладали правом Открытого Входа и могли оспорить решение любого суда. Впрочем, последнее право использовалось редко.

²⁷ *Тарска* — союзное Таяне небольшое государство в Последних горах.

²⁸ *Троянда (арц.)* — роза.

прервать затянувшееся молчание:

— Проше кавалера, дозвоьте звернуться до милости дана!

— Чем могу служить, почтеннейший войт?

— Дозвольте полюбопытствовать, откуда ясновельможный кавалер путь держит?

— Из Старой Месы. Знаете, где это?

— Ой далеко, там, где Проклятый свой клятый перстень загубил.

— А там мне говорили, что он его потерял в ваших краях. Мы, барды, народ любопытный. Я всю жизнь колечко Проклятого ищу, а добрые люди, вот такие, как ты, меня туда-сюда гоняют.

На этот раз шутке рассмеялись все. Очень хорошо, значит, дело не в нем, просто он невольно задел чужие раны. Ничего, разберемся. А войт что-то странно на него посматривает, словно прикидывает, просчитывает. Может, спросить о чем хочет. Только вот при всех разговора не получится.

— А что, дан войт, вино здесь хорошее?

— У Красотки Гвенды, проше либра, лучшие настойки во всем Поречье. А уж царка²⁹ у нее! — Войт мечтательно закатил глаза. — Нигде такой не получите — огонь с лаской.

— Вот и славно. Пусть несет свою царку. И спросите, может быть, она с нами посидит, а я спою.

Вечер удался на славу. Гость сумел подобрать ключики ко всем. Языки развязались, заезжий дворянин и не думал чваниться. Нет, никто из сельчан не посмел бы ударить его по плечу или заговорить с ним по-простому без «проше либра» или «милсдаря», но настороженная крестьянская почтительность уступила место искренней симпатии, перешедшей в простодушное восхищение, едва гость взял в руки гитару.

Все шло как надо — завтра вся Фронтера будет знать, что проездом из Старой Месы в Тарску в Белом Мосту был Роман Ясный, сын Золотого Романа, что у него расковался выючный конь, и потому он заночевал в селе. Теперь можно было спеть несколько песен и распрощаться, но барда все больше занимал войт. Он с удовольствием пил вино и громче всех смеялся шуткам и забавным историям, которые рассказывал приезжий, но Роман не мог избавиться от мысли, что Рыгор далеко не так весел, как хочет казаться. Не укрылось от барда и то, что пару раз люди замолкали, словно кто обрывал их на полуслове. А войт Рыгор, похоже, хочет поделиться общей бедой. Что ж, это может оказаться интересным.

До полуночи оставалось около оры.³⁰ Гости начали расходиться, в зале оставался с десяток самых крепких. Роман объявил последнюю балладу и запел о тарском юноше, ушедшем в Последние горы за золотом, которое потребовал отец его возлюбленной.

Шум на улице раздался неожиданно. Судя по всему, в Белый Мост пожаловал целый отряд. Причем немалый. Бард песни не прерывал, зачем? Тренированное тело и так готово, случись что, мгновенно вскочить, перелететь через низкий стол и оказаться у лестницы, ведущей наверх. А там шпагу в руку, через окно на крышу конюшни, и ищи степного ветра. Коней, способных догнать Топоза и Перлу, в Благодатных землях не видели. Хотя что ему волноваться? Времена настали до безобразия мирные, по дорогам Фронтеры³¹ волен ездить всякий, кто заплатит пошлину... И все-таки стук копыт в ночи вызывает чувство тревоги, особенно, если у тебя есть что скрывать. Пусть сегодня ночные гости пожаловали не по его

---

²⁹ *Царка* — зерновой спирт, настоянный на дубовой коре и дровах и вполовину разбавленный родниковой водой с не большим количеством меда.

³⁰ *Ора* — одна двадцать шестая суток (половина времени, за которое над горизонтом поднимается одно из созвездий Звездного круга). Последняя ора — ора перед восходом солнца.

³¹ *Фронтера* — область на границе Арции и Окраинных королевств. Южная Фронтера формально входит в состав Арцийской империи, на деле же управляется местными баронами и городскими магистратами.

душу, ему они все равно не нужны.

Роман не желал нового общества, но от него это не зависело. Дверь распахнулась, и на пороге возникли три фигуры в плащах, дальше толкались фискальные стражники. Бард заметил, как на скулах Рыгора заходили желваки, а лежавшая на столешнице волосатая войтова лапища сжалась в кулак. Прочих селян ночные гости также не обрадовали, последних, впрочем, это мало волновало. Они всюду входили как к себе домой.

Во время скитаний по землям Арции Роману попадались всякие синяки, бывали среди них и люди редкого ума и порядочности, но нынешняя начальная троица выглядела вполне отвратительно. Собственно синяками оказались двое, третий же, судя по одежде, к тайной службе отношения не имел. Маленький, сутулый, с остренькой мышинной мордочкой, он व्यюном вился вокруг рослых, плотных фискалов, получая видимое удовольствие от пресмыкания пред столь влиятельными особами.

Конечно, для либра парочка провинциальных синяков и прилепившийся к ним холуй никакой угрозы не представляли, но вошедшая компания ему не понравилась. Роман решил ее не замечать и продолжал петь как ни в чем не бывало. Непривычные к подобному обращению синяки растерялась — неизвестно откуда взявшийся либр путал им все карты. Роман же вдохновенно доканчивал историю о женихе, который принес-таки требуемое золото, только вот возлюбленная его к тому времени превратилась в седую старуху, тотчас же помершую на руках любимого от радости.

Виноваты, разумеется, были Хозяева гор, продержавшие беднягу в зачарованной пещере пятьдесят четыре года, показавшиеся тому за одну ночь. К счастью, отец невесты, спровадив нежеланного претендента, выдал дочку замуж за серьезного мужчину, и к возвращению бывшего возлюбленного у красавицы как раз подросла внучка, как две капли воды похожая на бабу. Поскольку герой золото принес, все сладилось и, похоронив старушку, сыграли веселую свадьбу, посрамив тем самых Горных Хозяев, возжелавших сыграть злую шутку над людьми.

Сообщив собравшимся, что не приглашенная на празднество горная нечисть три дня со злости грызла невкусные камни, Роман, прижав ладонями струны, вежливо осведомился у пышущего здоровьем высокого мужчины с круглым лицом и круглыми же, по-жабы выпученными глазами:

— Что вы думаете об этой балладе, достопочтенный? Я слышал, что в Мунте ее исполняют на другой мотив.

Видимо, конфуз, случившийся с Горными Хозяевами, произвел на синяков угнетающее впечатление, во всяком случае, дар речи они потеряли. Первым пришел в себя старший, которого природа отметила огромной плешью. Он весьма вежливо осведомился:

— Прошу дана либра, давно ли он приехал до Белого Моста и что думаете совершенном здесь преступлении?

— Я не люблю отвечать на подобные вопросы без крайней на то необходимости.

— Проще либра, то очень важно. Прошлой ночью здесь с помощью Запретной магии было совершено убийство, кое мы должны расследовать на месте. Если дан либр является свидетелем оного злодейства, то следствие хотело бы услышать его показания.

— Сожалею, данове, но я приехал сегодня днем и ничего не знаю о случившемся. Надеюсь, вы успешно исполните свой долг, а я ничем не могу вам помочь, тем более что из-за расковавшейся лошади и так потерял целый день. Завтра поутру я выезжаю в Таяну.

— Не смеем долее задерживать дана. Но пока следствие не уверено, что окрестности Белого Моста безопасны для одинокого путника, дан должен взять в провожатые троих стражников или же дожидаться конца дознания.

— Я привык путешествовать один, но благодарю вас за заботу. Прощайте, данове, я устал и хочу спать.

Поднявшись к себе Роман, однако, и не подумал лечь. Происшествие начинало занимать его все больше и больше. Появление синяков с отрядом стражников и каким-то мелким мерзавцем из местных могло означать только одно — в селе произошло что-то

выдающееся, причем связанное с Запретным. То, что по времени это совпало с его, Романа, приездом и с ожидаемым появлением эландского посольства, могло быть простым совпадением, но бард совпадений не любил. Теперь он проклинал себя за то, что развлекал сельчан песнями, вместо того, чтобы по душам поговорить с войтом.

Рыгор между тем также придавался самоедству. Догадайся он предупредить либра до того, как Проклятый принес синяков, тот наверняка согласился бы помочь. Видно, что эту нечисть гость не жалует. А так застигнутый врасплох бард признал, что ничего не знает, а значит, не может быть свидетелем в пользу Белого Моста. И еще этот клятый Гонза... Ясно-понятно, кто озаботился донести. Выкрутимся — найдем на паршивца управу. Если, конечно, выкрутимся.

Надо было или сразу казнить Лупе и слать гонца к барону, или... или заставить дуреху бежать. А теперь Гонза и его подлая сестрица сделают все, чтобы и Лупе, и он, Рыгор, были признаны виновными. Войт с тоской посмотрел на стражников, якобы охраняющих его дом от шатающейся по лесам нечисти. Теперь остается только ждать.

Роман не удивился, когда в дверь кто-то поскребся, он ждал чего-то подобного. По всему выходило, что или войт, или Красотка Гвенда должны его проведать, но на пороге молча стоял долговязый паренек лет шестнадцати. Роман припомнил, что видел его днем, — парнишка, видать, был родичем хозяйки и таскал ей воду. Внизу послышалось характерное звяканье — фискал задел своим снаряжением о какой-то угол. Бард втащил гостя в комнату и закрыл дверь.

— Как тебя зовут?

— Зенек, проше дана, я племянник даны Гвенды.

— Я так и думал. Ты хотел со мной поговорить. О чем?

— О Лупе. Она не виновата, и мы никто не виноваты, это, проше дана, або волк, або еще кто. А она Панку пальцем не тронула, та сама была дура.

— Погоди, кто такие Лупе, Панка, при чем тут волк, кто в чем виноват, говори по порядку.

— Так я ж и говорю, эта светлой памяти стерва сама во всем виновата. А Лупе, она добрая, она даже кошки не обидит, не то что человека. Та сама...

— Остановись, Зенек. Я никогда не был у вас и ничего не пойму. Кто такая Лупе?

— Знахарка.

— Откуда она взялась?

— Пришла.

— Давно? Да не заставляй из тебя клещами слова тянуть. Я ж не синяк. Говори смело что знаешь. Какая она, эта твоя Лупе, где раньше жила, как к вам попала?

— Красивая она, худая только. Совсем не как наши, а вроде как из ясновельможных. Я малым еще был, она у тетки остановилась, а тут Катре рожать, у Катри до этого двое мертвых родилось, и свекруха ейная говорит, или помирай, или чтоб сын был...

— Значит, Лупе помогла Катре, потом кому-то еще, потом еще, а потом у вас осталась?

— А откуда дан знает? — изумленно выдохнул Зенек.

— Все на свете повторимо. Но про что это болтали синяки?

— Ночью якась зверюга на мелкие шматочки разодрала тую клятву Панку.

— Что за Панка?

— Та Аглая, дочка Цильки, Цилины то есть. Ну, тощей такой, кричит еще на всех.

— Видел таких, и что Цилина?

— Та ее брат Гонза их и приволок.

— Тот мелкий, на крысу похож?

— Вот-вот, на крысу. То он помоганец эконома у его ясновельможности барона Кузинга. Так Цилина сбегала до братца, а той сгоняв до города та привел синяков.

— А Лупе тут при чем?

— Так они ж Лупе ненавидят, Панка с Цилиной всем кричала, что то Лупе Панку испортила, что никто с парней на нее и через порог смотреть не хотел.

— А она испортила?

— Да чего ее портить, она уродилась такой, и маманька ее такая ж была, когда б не деньги, то Тодор никогда б на ней не женился, а Панка еще худыша за мамашу.

— Значит, Панку кто-то убил, а свалили на Лупе?

— Не просто убили, на шматочки разорвали. А Лупе ей вчера ввечеру и скажи, чтоб та в пушу не ходила, а то, мол, плохо будет.

— Какая пуша?

— Ласкава пуша. Это за Белым Мостом. Мы туда все ходим, особливо молодые на ночь.

— И Панка туда собралась с кем-то?

— С одним из Замостья, хилый такой...

— А он вернулся?

— Та откуда ж нам знать? А вот Панку вранци нашли. Я зверей, что здесь живут, добре знаю. Никто, особливо весной, такого б не сотворил.

— А люди?

— Люди тоже так не смогут, то чудище какое-то.

— А ты говорил, волк... И тебе еще ведьму жалко?

— Да не виновата она. И мы все не виноваты. А теперь через ту Панку и ее семью змеиную нас всех разогнать могут, а то в крепостные, если не признаем, что то по злобе Лупе наколдовала...

— Помолчи...

Роман задумался. Парнишка покорно заткнулся, вжавшись в стену, только голубые глаза безотрывно следили за либром. А паренек очень даже славный. И не по-крестьянски шустрый, из него выйдет толк. Только больно уж курносый, ну да ладно, чуток магии, и все в порядке будет. Нет, славный парень, надо же, не боится — то ли любовь свою первую защищает, то ли за справедливость борется. И то и другое почетно, а среди людей, да еще крестьянского сословия, редкость. Зенек стоит того, чтоб его приручить. Но что ж это за нечисть тут завелась?

Что бы ни говорили умники из Академии,³² призвать демона-убийцу очень-очень сложно, а для деревенской колдуньи и вовсе невысказано. Если только Лупе деревенская колдунья, а не одна из Преступивших,³³ которые нет-нет да попадают на земных тропах, вопреки старанию всех синяков подлунного мира.

Да, но поймать Преступившую не по силам испуганным сельчанам и раскормленным фискальным стражникам. Может, она сама хочет попасть в лапы синяков? Тогда его долг досмотреть представление до конца. Если же Лупе просто знахарка, придется разобраться со шляющимся по окрестным лесам людоедом. Куда ни кинь, везде клин, а эландцы ждать не будут.

Конечно, Топаз не подведет, если нужно, он догонит герцога на таянской границе, но «случайностью» это уже не представишь. Дорога тут одна, а по заболоченным лесам и горным тропам вперед не забежать. Положеньице...

---

³² *Академия* — полное название «Академия всех наук духовных и светских», учреждена императором Арции Анхелем Светлым и находится под покровительством ордена Святой Цялы. Ученые Академии претендуют на монополию на истину в Благодатных землях.

³³ *Преступившие* — волшебники, преступившие порог Дозволенного, строго регламентированный как Церковью, так и мирскими законами. По-настоящему преступивших магов насчитывались единицы, причем обнаружить их фискалы, обладающие весьма ограниченными знаниями, не могли. По обвинению в нарушении Дозволенного, как правило, наказывали (вплоть до смертной казни) безвредных ведунов и знахарей, или магов, лишь чуть-чуть нарушивших правила, или практикующих без разрешения.

- Положеньице, — вслух повторил Роман, и Зенек тут же встрепенулся:
— Проше пана либра, вы поможете Лупе, а я...
— Что «ты»?
— Я могу к вам за это слугой забесплатно, ряд³⁴ подпишу на десять лет...
— Да на что мне слуга, без него спокойнее. Ладно, что-нибудь придумаем.

Но думать им не дали. В дверь опять постучали, на сей раз настойчиво. Роман понял, что синяки решили не дать некстати взявшемуся либру вмешаться в их дела. Они будут вежливы, но одного его не оставят до тех пор, пока судьба колдуньи не будет решена. Если он захочет уехать, удерживать не станут, но наверняка навяжут пяток провожатых. Отвязаться от них не штука, но это значит раскрыть себя, не говоря уж о том, что оплошавшие стражники наверняка наплетут невесть чего, лишь бы выгородить себя в глазах начальства. Шум же в планы Романа сейчас никаким боком не вписывался. Стук повторился, и Роман раздраженно крикнул:

— Не заперто.

Синяки явились в полном составе, не забыв прихватить мышевидного Гонзу. Роман, не глядя на поздних визитеров, с пренебрежением, которому позавидовал бы самый гоноровый нобиль, кинул оторопевшему Зенеку:

— И чтобы было готово к утру. А теперь убирайся. И не вздумай подслушивать... ПОД ДВЕРЬЮ.

— Прошу дана либра, не стоит беспокоиться. В коридоре дежурит стражник, — заметил высокий синяк и, обернувшись к Зенеку, рывкнул противным начальственным голосом: — Пшел вон!

Парнишка, испуганно вжав голову в плечи, исчез.

— Садитесь, данове, — Роман сел, небрежным жестом указав на два оставшихся стула. Как он и думал, мышевидный остался стоять. Синяки с готовностью уселись. Кругломордый был на седьмом небе от собственной значимости. Его спутник, плотный лысоватый мужчина лет пятидесяти с бледным рыбьим, но, к несчастью, умным лицом, с интересом рассматривал небрежно развалившегося на стуле синеглазого красавца.

— Если не ошибаюсь, перед нами непревзойденный Роман Ясный?

— Не ошибаетесь, — улыбнулся Роман, — это я, только не называйте меня непревзойденным, я лишь слабая тень собственного отца, который, в свою очередь, уступал моему деду. Что поделатъ, все вырождается, и барды не исключение. Однако чем обязан?

— Мы представляем закон и честь Арции.

— Я догадался.

— Здесь совершено убийство с помощью Запретной магии. Преступница — местная ведьма. До конца расследования никто из крестьян не смеет покидать Белый Мост. К вам это, разумеется, не относится, но, как мы поняли, вы не намерены уезжать немедленно.

— Не намерен. Я уже говорил вам, что хочу спать.

— По закону Арции если хотя бы один конь, или же мул, или же осел, — терпеливо продолжал плешивец, — принадлежащий жителю Белого Моста, переступит границу селения, тот, кто был верхом или в повозке, а также хозяин животного со всеми домочадцами и иждивенцами объявляются пособниками Преступившей.

— Ну и? — Роман зевнул, показав самые здоровые и красивые в Благодатных землях³⁵ зубы.

— Вы приехали одвуконь, ваши лошади представляют безусловный интерес для того, кто задумает сбежать, но не захочет подвести родных или друзей. Любой из сообщников

---

³⁴ *Ряд* — подписать ряд — добровольно на оговоренных в договоре условиях поступить в крепостную зависимость к дворянину.

³⁵ *Благодатные земли* — земли, заселенные людьми.

ведьмы...

— Глупости, — пренебрежительно махнул рукой Роман, — мои кони прекрасно выезжены, и никто, слышите, никто не сможет их оседлать, если я того не захочу. Вы что думаете, что среди этих забитых крестьян найдется ловкач, который сможет взнуздать мою, — бард сделал многозначительную паузу, уповая, что мальчишка все-таки подслушивает, пусть не за дверью, но за окном с крыши сарая, — ПЕРЛУ, которая ПРИУЧЕНА СЛУШАТЬ ЛИШЬ ТОГО, КТО НАЗОВЕТ ЕЕ ПО ИМЕНИ. Вы не представляете, какая она умница, эта ПЕРЛА. И тем более невероятно, чтобы кто-то взялся защитить преступницу, да и ЧТО ОН МОЖЕТ СДЕЛАТЬ? Ведьму крепко стерегут, на помощь со стороны надеяться и вовсе не приходится. Я поверю в чудеса, ЕСЛИ КТО-ТО СМОЖЕТ УДРАТЬ НОЧЬЮ ИЗ БЕЛОГО МОСТА, ВСТРЕТИТ УТРЕЧКОМ НА ТРАКТЕ КАКОЙ-НИБУДЬ ОТРЯД С КОРОННОЙ СИГНОЙ, ДОБЬЕТСЯ АУДИЕНЦИИ У ПРИНЦА КРОВИ И УГОВОРИТ ЕГО ВМЕШАТЬСЯ. Да и кто станет слушать сумасшедшего селянина? Разве что ОН ДОГАДАЕТСЯ СОСЛАТЬСЯ НА МЕНЯ. А если б кто и догадался, то вы же сказали, что, выехав из села, он становится вне закона, назад ему дороги нет. Ему остается рассчитывать только на то, что КАКОЙ-НИБУДЬ БЕЗУМНЫЙ ЛИБР ВРОДЕ МЕНЯ ПОДПИШЕТ НА НЕГО РЯД И ВОЗЬМЕТ В СЛУГИ. Нет, господа, можете спать спокойно, никто спасать вашу ведьму не отважится.

— Допустим, но конюшни мы все-таки постережем.

— Да бога ради, только вашим стражникам я ни арга³⁶ за это не дам. А пока, раз уж вы все равно пришли и к тому же обо мне наслышаны, предлагаю выпить вина, а я спою вам что-нибудь свое и, для сравнения, отцовское...

Глава 2

**2228 год от В. И. 10-й день месяца Медведя.
Вольное село Белый Мост у Таянского тракта
в шести дна от Гремихинского перевала.**

Утро, как нарочно, выдалось ясным и солнечным. В прозрачном синем небе заливался жаворонок, и Роман попробовал отыскать маленького певца. Обычный человек никогда бы не заметил маленькую живую точку в океане слепящего света, но для барда это было детской забавой. Он следил за жаворонком ровно столько, сколько было нужно, чтоб успокоиться и придать лицу приличествующее странствующему либру слегка ироничное выражение, после чего открыл калитку и вышел на узкую сельскую улицу. До суда оставалось не более половины оры, и крестьяне, лишённые права покидать границы Белого Моста, несмотря на весеннюю страду, вяло стекались на центральную площадь. Никто ни с кем не разговаривал, люди шли, уставившись в пыльную землю, словно бы избегая друг друга. Оно и понятно — судьба всех висела на волоске, но, если село в целом оправдают, понадобятся козлы отпущения. Пособником ведьмы может быть объявлен любой, всегда отыщется тот, кто донесет, что ты не так посмотрел, не то сказал, не то подумал...

Пробиться в первый ряд Роману удалось с легкостью, однако оставался он там недолго. Появившиеся синяки, устраивающиеся на коронном помосте³⁷ перед иглецием,³⁸

---

³⁶ *Арг* — серебряная монета, принятая во всех частях Благодатных земель.

³⁷ *Коронный помост* — специальное возвышение на главной площади населенного пункта, служащее для проведения официальных публичных церемоний.

³⁸ *Иглецин (иглеция, иглезия)* — небольшой храм, посвященный церковному празднику или одному из святых.

пригласили либра подняться к ним. Роман с готовностью согласился. С возвышения он мог видеть ведьму, свидетелей по делу, собравшихся крестьян и, что его особенно занимало, видневшуюся в просветах между домами Старую Таянскую дорогу. Тракт был пуст, и Роман от нечего делать принялся рассматривать судную площадь.

Слева от коронного помоста, на пятачке, наспех огороженном натянутой между деревянных рогаток веревкой с навязанными на нее белыми тряпочками, должны была находиться обвиняемая, ее утешитель,³⁹ роль которого навязали растерянному седенькому клирику, и свидетели защиты, каковых не наблюдалось. Справа на деревянной скамье чинно расселись свидетели обвинения, среди которых особо выделялась худая, но грудастая тетка в темно-зеленом⁴⁰ траурном платке. Тетка усиленно терла сухие глаза, время от времени с неприязнью оглядывая соседей. Справа от бабы в зеленом, старательно от нее отодвигаясь, сидела зареванная девчонка лет двенадцати. Наметанный глаз барда определил, что через три-четыре года она вырастет в настоящую красавицу. Слева маялись двое сельчан постарше и помладше, похоже, отец и сын. Взгляды, которые они кидали на соседку, не отличались нежностью. Своего несостоявшегося приятеля-войта ни на свидетельском месте, ни в толпе Роман не заметил, равно как и курносого Зенека, что обнадеживало. Красотка Гвенда, хмурая, как осенняя туча, но в свежей, расшитой бархатцами кофте и пышной красной юбке стояла в первом ряду. К ней жалась худенькая молодая женщина с огромными карими глазами, озиравшаяся по сторонам, как застигнутый врасплох котенок. Ее нежно обнимал за плечи настоящий великан с решительно закушенной губой. Помост и свидетельские места окружали стражники. Роман с удивлением отметил, что в Белый Мост припожаловало не меньше сотни фискалов. Видимо, дело ведьмы кого-то здорово заинтересовало.

Появился Рыгор Зымный. Он был одет во все лучшее, но помятое желтое лицо говорило о том, что ночь бедняга провел без сна. Обойдя по кругу майдан, войт поднялся на помост и хрипло произнес:

— Данове коронные. Творите суд скорый, честный и милосердный, мы покорны вашей воле, на чем я за всех целую посох.⁴¹

Клирик суетливо выскочил вперед и, путаясь в складках своего балахона, взобрался на помост, сунув простенький деревянный посох и руки войту. Зымный тяжело бухнулся на оба колена и прикоснулся губами к раскрашенному дереву. Сельчане нестройно прижали обе ладони к губам. Старший из синяков встал, оглядел притихшую площадь и возвестил:

— Суд скорый и честный!

«Опустил-таки, мерзавец, „милосердный“, — подумалось Роману — Значит, Лупе уже приговорена, и речь пойдет лишь о том, какую виру затребуют с села».

Синяк показал Рыгору место на скамье. Роман, сидящий справа от кругломордого, потерял войта из виду. Да, о таком он не подумал. Заняв место на коронном помосте, он оказался одним из судей. Ловко же его поймали. Теперь он в глазах сельчан заодно с синяками и должен либо подтвердить приговор, либо выступить против него, тем самым проявив свою нелояльность. Проклятый побрал бы этого лысого! По закону судей должно быть пятеро. Так и есть. Двое синяков и их мышевидный Гонза всяко составляют большинство, а они с войтом изображают нелицеприятность. Подонки!

Роман вновь попытался найти взглядом жаворонка, но тот улетел. И правильно сделал,

---

³⁹ *Утешитель* — защитник по назначению на судебном процессе, грозящем обвиняемому смертной казнью.

⁴⁰ *Траур* — в Благодатных землях цвет траура — темно-зеленый и серый для простолюдинов, бордовый — для дворянства. Цвет траура Волингов — лиловый, у маринеров — белый, у эльфов траурная одежда желтого цвета — цвета увядающих листьев.

⁴¹ *Посох, обвитый плющом* — символ Церкви, символизирует опору, которая необходима всем — и людям и растениям.

нечего на такую мерзость смотреть. Вновь опустившись на грешную землю, либр увидел обвиняемую. Ее чуть ли не на руках волок длинный тощий стражник. Ноги женщины заплетались, на лице застыл страх. Роман решил было, что она боится казни, но, приглядевшись, понял — Лупе была далеко-далеко от невзрачной сельской площади. Ее душа заблудилась в иных мирах и не могла найти обратной дороги. В своих скитаниях Роман повидал всякое, но с подобным сталкивался лишь однажды. Такое лицо было у молодого священника, неудачно изгнавшего вселившуюся в ребенка злобную-бестелесную сущность. Нечистого духа бедняга изгнал, причем столь успешно, что его собственная душа была увлечена астральным ветром, поднятым удиравшим бесом. Либр помнил, какого труда им с Уанном стоило вырвать несчастного клирика из мира адских грез. Неужели эти дураки не видят, что Лупе во власти «черного сна», и собираются ее судить? Олухи проклятые! Именно это они и собираются делать. Плешивый встал и торжественно провозгласил:

— Зрим ли мы перед собой нареченную Лупе, каковая Лупе пришла по доброй воле в вольное село Белый Мост в месяце Волка 2222 года от Великого Исхода?

Лупе, разумеется, промолчала. Она просто не понимала, где находится, кто перед ней и о чем ее спрашивают. Этот же напыщенный дурак оказался не в состоянии уразуметь, что обвиняемая недееспособна. И чему их только в Академии учат? Доносы друг на друга писать, что ли...

Суд между тем катился по проторенной дорожке.

— Нареченная Лупе, злонамеренный отказ отвечать на вопросы суда влечет за собой то, что тебя будут судить как безгласную. Отныне за тебя будет говорить твой Утешитель. Поняла ли ты это?

Подсудимая продолжала смотреть в бесконечность, дрожащий клирик кивнул головой, как цыпленок зерно клюнул.

— Достопочтенные, — трубил синяк, — я даю слово обвинению. Говорит Гонза Когуть, третий управитель барона Кузинга.

Мышевидный поднялся и начал. Говорил он бойко и с таким удовольствием, что Роман с большим трудом сдерживал идущее от чистого сердца желание удавить доносчика. В изложении Гонзы история выглядела складной и совсем простой. Колдунья Лупе затаила злобу на девицу Аглаю (так, оказывается, звали злополучную Панку на самом деле), всячески ей вредила, отваживая женихов. Несмотря на происки ведьмы, Аглаю полюбил парень из соседней деревни. Свидание было назначено в Ласковой пуще. По дороге Аглая встретила Лупе, каковая Лупе запретила ей идти в пущу. Аглая не послушала, тогда Лупе вызвала демона, который и разорвал девицу Аглаю на куски.

Гонза требовал признать Лупе виновной в убийстве посредством Запретного колдовства, а жителей деревни — в потворстве беспечатной ведьме.

Дрожащий священник получил приказание открыть гроб жертвы. Роман с интересом заглянул внутрь и обомлел. Такого в своей жизни (а родился он не вчера) бард еще не видал. Собственно говоря, никакого тела не было, было какое-то месиво из клочков мяса и обломков костей. Если б не кусочки ткани, нельзя было бы даже понять, что это — тело человека или животного. Отдельно лежала голова, аккуратно разломанная на две половинки. Синяков и Гонзу затошнило, Роман удержался, но сердце сжала тревога. Что бы это ни было, оно имело материальную природу и не являлось демоном, в том смысле, как его понимают клирики.

Если эта тварь была вызвана из каких-то темных бездн колдовством, то сделать это мог только очень сильный маг, но магии Призыва Роман не чувствовал, точно так же, как не ощущался и терпкий экзотический привкус, составляющий ауру существ из иных пластов мировой сферы. Чудище, раздразнившее девицу Аглаю, похоже, принадлежало этому миру и действовало самостоятельно. Это могло быть очень опасно. Когда все кончится, надо будет осмотреть место, где было найдено тело.

Последние слова Роман, оказывается, произнес вслух, и оправившийся от потрясения Гонза немедленно начал рассказывать, что там нет ничего интересного, что покойницу

нашли пришедшие за лозой отец и сын Варухи, которые ждут на скамье свидетелей. Вернувшиеся синяки (назвать младшего румяным сейчас было бы большим преувеличением) взобрались на помост, и суд пошел своим чередом. Зареванная девочка показала, что Лупе действительно не велела Панке ходить в пущу, корзинщики рассказали, как нашли покойницу в кусте лозняка, худая старушка неохотно подтвердила, что последние два дня Лупе была сама не своя. Подсудимая ни на один обращенный к ней вопрос не ответила, зато грудастая баба в трауре, оказавшаяся матерью жертвы, добрую ору расписывала колдуньины злодеяния.

Войт сидел, уставившись на носки своих воловьих сапог, старший синяк дремал на солнышке, младший с горящими глазами дирижировал судилищем, мышевидный подобострастно ему помогал, священник, когда к нему обращались, блял что-то о милосердии, стражники гоняли мух. Дело стремительно шло к развязке, Роман с тоской понял, что следователи столь безграмотны, что объяснение о вызванном демоне представляется им единственно верным. Вступать с ними в богословские споры было глупо, либр лихорадочно думал, что можно сделать, и даже вздрогнул от неожиданности, услышав голос младшего синяка.

— Прошу дана либра, не желает ли он задать свои вопросы.

Решение пришло само собой. Задать вопросы? Конечно, желает!

— Я хочу просить дана войта.

Рыгор торопливо встал, комкая шапку с журавлиным пером.

— Дане войт, сколько лет живет колдунья в Белом Мосту?

— Шесть лет с четвертью.

— Рождались ли за это время двухголовые телята или жеребята?

— Не, не рождались.

— Может быть, около Белого Моста появились дневные волки?

— Нет.

— Не боялись ли колдуньи собаки и кошки?

— Да нет, они к ней все ластились.

— А мухи?

— Что мухи?

— Не было ли на ее подворье множества мух, не насылала ли она их на своих врагов?

— Да какие мухи, прошу дана! У нее ж чисто все, это вот у Цилины полон двор мух...

— А много ли народу, кого Лупе пользовала, умерло?

— Да почитай никто.

— Почитай?

— Старый Ян помер, так ему так и так помирать пора была. Ему сто девятый год шел...

— Я правильно понял, дан войт? За годы, которые обвиняемая прожила в Белом Мосту, здесь не произошло ничего, что свидетельствовало о применении Запретной магии?

Войт оживал на глазах:

— Вот-вот, это я и хотел сказать!

— И вреда Лупе своими снадобьями никому не принесла?

— Никому.

— Да что ты врешь, старый пень, — взвилась со своего места известная обилием мух Целина. — А я?! А моя Аглайка бедолашная?! Житья нам от ведьмы не было!

— И что она делала? — кротко осведомился Роман.

— Как что?! Вредила.

— У вас пала скотина?

— Нет.

— Вы болели?

— Да здорова она, как кобыла, — зло откликнулся кто-то из толпы. Люди постепенно приходили в себя и с надеждой поглядывали на золотоволосого красавца-либра — может, не даст свершиться несправедливости, может, не сгонят с насиженного места, не обдерут до

нити.

— Хорошо, — продолжал вошедший во вкус Роман, — мы установили, что в селе не происходило ничего, что позволяло бы думать о Запретном колдовстве, значит, люди ни в чем не виноваты. Теперь вернемся к обвиняемой. Какой конкретный вред она нанесла девице Аглае до вчерашнего утра?

— Она ее сглазила.

— Как?

— В девках оставила.

— Ничего не понимаю. Она что, ее изуродовала?

— Да какая она была, такой и осталась, — войт впервые позволил себе улыбнуться.

— Может, захворала она или в характере переменялась?

— Куда там, как была дурищей, так и померла. А уж склочная, еще хуже матери, а та, прости святая Циала, навроде бешеной суки, — выкрикнула из толпы кареглазая женщина.

— Помолчи, Катря, — цыкнул войт и обернулся к Роману — А вообще-то Катря дело говорит, от Панки все хлопцы шарахались и до того, как Лупе к нам пришла.

— А с чего они тогда на нее показывают?

— А вот я все сейчас расскажу, — выскочила кареглазка, — то дело об осени было, моему Тымку как раз год сравнялся. У Целины кошка окотилась, спряталась под домом, котят потопить не успели. А как те вылезли, светлой памяти сучка их половила и в собачий закут закинула.

— Чтоб собаки порвали, — пояснила зареванная девчонка, — я то сама видела. А Лупе мимо шла, на псов прикрикнула, те ее послушались. Та котенков забрала, а Панке сказала, что ее, коли она такой злой будет, никто в жены не захочет.

— И что?

— И пошла себе. А Панка в слезы и ну собак пинать. А Рудый ее укусил даже. А Панка, так она тогда на Стефка глаз положила, а тот с того дня на Панку и смотреть не желал.

— Ну и дела. Тогда скажите, была ли Лупе первой, кто предрекал покойной, что ее никто не возьмет, или это ей мог сказать кто-то еще?

— И говорили, — выкрикнул с места маленький усач.

— Говорили? И кто ей это сказал первым?

— Да разве вспомнишь кто, — задумалась Гвенда. — Може, и я. Панка совсем малая была, она какую-то гадость учинила, а я (я тогда только-только замуж вышла) возьми и скажи, что будешь такой поганкой, на тебе никто не женится. Так что я ее куда раньше Лупе сглазила...

— С этим понятно, — подвел черту под воспоминаниями Роман. — Теперь ты, девочка. Ты помнишь точно, что сказала Лупе Аглае во время их последней встречи?

— А как же, помню, — она доверчиво глядела на доброго и красивого кавалера — Мы с ней, с Лупе, с поля шли, а Панка навстречу. В шелковой юбке, — мечтательно протянула оборванная девчушка, — та мимо прошла, а потом Лупе вдруг остановилась, подумала и бросилась ее догонять.

— Догнала?

— Конечно, она ж швидко бежит.

— И что сказала, только точно говори, — почти крикнул войт.

— Сказала, — девочка подумала, — сказала, что если та идет в пущу, чтоб не ходила, потому нехорошо там.

— А Панка?

— Панка сказала, что куда хочет, туда и идет. А Лупе нахмурилась и тихо-тихо так говорит — «Ну иди, если хочешь, только как бы беды не было».

— По-моему, все ясно, — заметил Роман, улыбаясь войту — Покойную в селе не любили многие, в пущу та пошла по своей воле, никто ее не заманивал. Лупе, наоборот, хотела ее спасти, потому и предупредила. Она хорошая знахарка и почувствовала опасность. Сначала Лупе, видимо, не поняла, что там случилось, только знала, что в пуще «нехорошо».

Когда же ей показали, что осталось от тела, она получила такой удар зла, что впала в состояние «черного сна» и сейчас ничего не понимает. Ее надо спасать, а то она просто умрет от истощения. Я считаю, Лупе надо оправдать, а я мог бы отвести ее в Таяну и там показать магу-медикусу.

— Данове, либр мает рацию,⁴² — возвестил войт, к которому вернулась бывлая степенность. — Я вважаю, Лупе ничего такого не делала, а в пуцу надо послать охотников.

— Или стражников, — выкрикнула Красотка Гвенда, — а то нагнали сюда дармоедов, лучше пусть ту зверюгу выловят.

— Молчать! — неожиданно тонким голосом завопил кругломордый, после чего вступил лысый.

— Ведьма виновата, — тихо и невыразительно сказал он. — Не спорю, дан либр очень нам помог. Он показал, что Белый Мост не виновен в укрывательстве Преступившей. Пока не виновен. Ибо упомянутая Лупе до вчерашнего дня скрывала свою сущность. То, что покойную в селе не любили, еще не дает никому права ее убивать. Ведьма вызвала демона, но не справилась с ним и потому пребывает в таком состоянии. Мы должны признать ее виновной и забрать в ближайший дюз,⁴³ где проведут обряд изгнания демона, после чего ведьма будет отвечать перед законом.

— Быть по сему, — с готовностью выдохнул мышевид.

Лысый встал, торжественно надел лежащий перед ним черный, словно бы обрубленный сверху колпак и возвестил, что жители Белого Моста признаны невиновными в сокрытии Преступившей, однако за то, что шесть лет пользовались услугами беспечатной ведьмы, им надлежит выплатить виру. Нареченная же Лупе признается виновной в злонамеренном убийстве посредством Запредельной магии, но в связи с невозможностью провести полное расследование дела на месте казнь откладывается на неопределенное время, а обвиняемая препровождается в Олецкий дюз.

Роман взглянул на «нареченную Лупе», та по-прежнему пребывала во власти кошмара. Сельчане не расходились, но и вмешиваться не спешили. До них постепенно доходило, что они чудом избежали опасности. Синяки, похоже, не задержатся в селе, так как им нужно поскорее отвезти добычу в Олецку, а назначенная вира была весьма скромной. Гвенда о чем-то быстро перешептывалась с Катрей, поглядывая на синеглазого либра. Посрамленная Целина чуть ли не с кулаками набросилась на девчонку-свидетельницу, младший корзинщик ее отпихнул, двое красномордых мужиков радостно вылупились на зрелище.

И тут раздался властный голос:

— Неужели фискальная стража Арции не в состоянии справиться с этой женщиной? — Спрашивающий, видимо, привык получать ответы немедленно.

Роман, не веря собственным глазам, уставился на седого всадника, умело управлявшегося с тяжелым вороным жеребцом цевской породы, незаменимой при длинных переходах. Рядом юноша в темно-синем бархате вздымал орифламму с нарциссами, а узкую деревенскую улицу заполняли молчаливые тяжеловооруженные всадники. Герцог Эланда не мог выбрать более удачного времени, чтобы появиться на сцене.

Приободрившийся было кругломордый был потрясен, ошарашен, раздавлен. Похоже, ему никогда не случалось сталкиваться с особами королевской крови. Поганка Гонза незаметно отполз на задний план, но лысый не потерял присутствия духа.

«Эта тварь знает законы, — с тоской подумал Роман. — Герцог проезжает через земли

---

⁴² *Мает рацию (фр.)* — прав в своих рассуждениях.

⁴³ *Дюз* — в Арции небольшой монастырь-тюрьма, принадлежащий равно Церкви и светской власти, где велись формально находящиеся в их совместном ведении дела о недозволенном колдовстве, оскорблении властей и богохульстве. В большинстве случаев клирики в дела следователей не вмешивались, автоматически утверждая приговоры.

империи с небольшим отрядом, он никогда не нарушит „Дорожную Нотацию“, ⁴⁴ а коронные права не так уж и велики». Лысый же тем временем пустился в объяснения. Надо отдать ему справедливость, говорил он четко и понятно. Рене-Аларик-Руис рэ Аррой слушал, слегка склонив породистую голову к правому плечу. Роман, воспользовавшись случаем, рассматривал знаменитого адмирала. Герцогу было сорок восемь лет, то есть по человеческим меркам он был уже немолод, у него были правильные черты лица и неожиданные для дома Арроев пронзительно-голубые глаза. Когда-то, если судить по бровям и окаймляющей лицо короткой бороде, Рьего был темноволос, но таким его помнили немногие. Рене принадлежал к тем людям, про нынующую жизнь которых, кажется, известно все и вместе с тем не известно ничего...

Глядя на невозмутимое лицо и сильные красивые руки, сжимающие поводья, Роман подумал, что если Аррой — противник, партию лучше сдать без боя. И еще по тому, как эландец спокойно выслушал лысого, оглядел судей, ни на ком не останавливая глаз, и мельком взглянул на Лупе, Роман понял, что адмирал уже принял какое-то решение.

Герцог спрыгнул с коня и направился к входу в иглещий, небрежно бросив: «Покажите мне останки!» Зажмурившийся клирик покорно сдвинул крышку. Если Рене и потрясли лежащие в гробу окровавленные лохмотья, он умело скрыл свои чувства.

— Обвиняемая не ответила ни на один вопрос?

— Да, монсигнор.

— А мнения судей в части, касающейся виновности, расходятся?

— Да, монсигнор, двое против троих, но...

— Вы, как я понял, настаиваете на том, что обвиняемую нужно подвергнуть допросу, а затем казнить.

— Именно так, — с поклоном сказал лысый.

— Вы не допускаете мысли, что она лишь жертва стечения обстоятельств?

— Ни на минуту!

— Хорошо, — герцог вновь обвел взглядом присутствующих. На этот раз голубые глаза задержались на точеном лице барда. Роман почувствовал, что это неспроста, и оказался прав.

— Что ж, три против двух — небольшое преимущество. Мне не хотелось бы, чтобы пытке была подвергнута невинная и тем более недееспособная. По праву Крови повелеваю предать подсудимую Божьему Суду, Приготовьте место, — и герцог отвернулся от синяков, показав, что дальнейшее его не касается.

Вот оно что. Божий Суд! Против этого не посмеет возразить никто.

— Но упоминания о Божьем Суде сохранились лишь в легендах, — попробовал вмешаться лысый синяк.

— Если мне не изменяет память, то демона с целью убийства вызывали примерно в те же времена, — невозмутимо парировал эландец. — Если женщина невинна, стрелы не причинят ей вреда, а если правы вы, обвиняемая умрет, и никого из нас не будут мучить сомнения, не обрекли ли мы на смерть невинную. Не правда ли, благородный Роман?

Роман вздрогнул от неожиданности:

— Я верю в Высшую справедливость, монсигнор.

— Я рад, что мы верим В ОДНО И ТО ЖЕ.

Для испытания все подготовили быстро. Трясущийся клирик прочитал молитву, окропив святой водой стрелы. Два десятка стрелков из числа эландцев, фискалов и деревенских молча проверили луки и арбалеты — новомодные пистолы, торчавшие за поясом у эландцев, для Божьего Суда не годились. Над площадью повисло сосредоточенное молчание. Гонза и младший синяк кусали губы, но протестовать не пытались. Лысый

---

⁴⁴ *Дорожная нота* — трехсторонний договор между Эландом, Таяной и Арцией, согласно которому эландцы и таянцы получали право на свободный проезд через арцийскую территорию от Гверганды вдоль Лисьих гор до Гремихинского перевала.

развалился на скамейке, всем своим видом давая понять, что за происходящее он никакой ответственности не несет. Лупе покорно встала там, где ее поставили стражники, войт быстро шептался с Красоткой Гвендой. Роман напряг слух, и ему удалось разобрать: «Бедная... так лучше... судьба такая...»

— Как странно, — Аррой словно бы думал вслух, — никто из них не сомневается в существовании Творца и в том, что тот всемогущ и всемилостив, но при этом никто из них не надеется, что он обратит свой взор именно на их село и спасет несчастную женщину. — Адмирал пожал плечами и, взяв Романа под руку, направился к помосту, на котором кругломордый совершал какие-то манипуляции.

— Я давно мечтал услышать Золотой Голос Благодатных земель, и вот счастливый случай, — герцог, привычным жестом придерживая шпагу, опустился на почетное место, словно бы не замечая лысого, и, улыбнувшись Роману, заметил: — А синяки вроде бы решили всех проверить на предмет Запретной магии, как будто кто-то из поселян может заколдовать хотя бы воробья. Как скучно... они даже Всевышнему не доверяют. Правду говорят, чем ближе к Академии, тем больше ереси, — правильное лицо герцога осветила озорная мальчишеская улыбка, совершенно неожиданная в сложившейся ситуации. Видимо, так некогда улыбался Счастливчик Рене, находя выход из очередного безвыходного положения. Этот человек интриговал барда все больше и больше, и интерес, похоже, был взаимным.

Надежды Романа на сближение с эландским владыкой сбывались стремительно, уже за одно это маленькую колдунью стоило спасти.

Тучный усатый фискал и невозмутимый эландский коронэль⁴⁵ доложили, что все готово. Святой отец обратился с малопонятным напутствием к обвиняемой, но та, разумеется, его не услышала.

— Вот уж воистину овечка господня, — шепнул адмирал. Роман не ответил, ему было не до разговоров.

Стрелки расположились полукругом в двадцати шагах от Лупе. Что ж, если не случится чуда, ее смерть будет быстрой и куда более легкой, чем на костре или в омуте. Даже если бы деревенские и эландцы, известные своей меткостью, решили промахнуться, ожидать подобного великодушия от фискалов не следует. А Господь, который все видит, привык ко всему и хранит тысячелетнее молчание.

С тетивы сорвалась первая стрела, вторая, третья, и... чудо все-таки произошло! Не долетев до стоящей женщины двух шагов, стрела вспыхнула прямо в воздухе ослепительным белым пламенем и остановилась на месте. То же случилось и с другими. Хотя не со всеми. Несколько стрел словно бы разорвали пространство и исчезли в сверкнувшем среди бела дня звездами ночном небе, а из разрывов вырвались завитки темно-синего огня, слившиеся с серебряным светом пылающих стрел. На мгновение в воздухе повис венок голубого огня, затем стянувшийся в сверкающую корону над головой обвиняемой. Пламенное кольцо на прощанье ослепительно вспыхнуло и исчезло. Ошеломленные зрители с удивлением уставились на озирающуюся по сторонам Лупе. Она явно не понимала, как оказалась на площади и что тут делают все эти люди.

— Божий Суд! — Резкий писклявый выкрик послужил сигналом, селяне и стражники разом заголосили, а виновница происходящего неожиданно зашаталась и упала б, не подхвати ее подбежавший войт.

— Что с ней? — спросил Роман.

— Сомлела. Сам бы не видел — не поверил. Ни одна стрела до нее не долетела. Ну, теперь синяки могут убраться восвояси.

— Действительно, — и Роман звонким сильным голосом певца выкрикнул: — Судимая Божиим Судом Лупе оправдана!

---

⁴⁵ *Коронэль* — полковник.